

значении лексемы, использованной для названия картины, в языковом сознании художника и зрителя.

Очевидно, что артионим, будучи факультативным элементом креолизованного текста, является важной его составляющей, поскольку выступает языковой проекцией художественной картины мира художника.

Библиографический список

1. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь. / Под общ. ред. А.М. Кантора. М.: 1997.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 300 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Русская грамматика: В 2-х т. М.: Наука, 1982. Т.1. 783 с.
6. Электронный ресурс. Режим доступа http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures

Е.В. Резникова (Российская Федерация, г. Самара)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗА КОЛЕСА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Концепт «круг» представляет собой абстрагированную образ-схему, в основе которой лежат представления о свойствах конкретных предметов круглой формы, таких, как солнце, шар, кольцо, колесо, диск и мн. других. Одним из репрезентантов образа круга является колесо.

В русской языковой картине мира образ колеса обнаруживается во фразеологии (ср.: *колесо Фортуны, как белка в колесе, пятое колесо, изобретать колесо, ставить палки в колёса*), в многочисленных метафорах и метонимиях (*колесо истории, выкатить грудь колесом, как по накатанному*). Несмотря на широкий семантический потенциал, данный образ ещё не подвергался подробному изучению.

В когнитивном плане концепт «колесо» объединяет представления о его форме, функциях, а также культурологические наслоения, связанные с многовековым опытом использования данного артефакта. Форма колеса концептуализируется как круг: *выкатить грудь колесом, согнуть спину колесом, выпол-*

нить *акробатическое колесо*, *глотать колёса (таблетки)* и др. Но наиболее разнообразными и частотными в языке оказываются смыслы, связанные с функциями колеса – вращаться и катиться.

Катящееся колесо является устойчивым символом истории: исторические события как мерило времени были связаны с движением военных колесниц, повозок, т.е. история буквально двигалась колёсами. Отсюда возникает совмещение двух смыслов: 1) «поступательное движение» и 2) «разрушительное воздействие».

1) Поступательное движение конкретизируется как «движение вперёд» или «возврат к пройденному на новом уровне» (при актуализации семы «вращение»). Ср.: *Колёса судьбы медленно продолжают свой бег (В. Скрипкин*)*; *происходившее в России – при всех ужасных жестокостях – поворачивает колесо истории вперёд, к лучшему будущему (Г. Горелик*)* и *Колесо истории спустя столетие словно проделало полный оборот и норовит нас, россиян, водворить в ту же исходную точку... («Завтра»*)*. В первых двух контекстах реализуется образ судьбы/истории как движущегося вперёд колеса, в последнем актуализируется возврат в исходную точку при вращении, но уже на новом историческом этапе.

2) В других примерах реализуется смысл «разрушительное воздействие»: *по семейному очагу прошились колёса истории (Л. Чуковская)*; *колесо истории катилось по живым судьбам, круша основы уклада, державшегося от поколения к поколению (А. Зверев)*. Реализованный в примерах образ истории как разрушительного колеса связан с пониманием движения исторического процесса как цепочки военных экспансий.

Деструктивное воздействие может также воплощаться в образах «мирной» техники – телеги, автомобиля, катка, которые в определённых ситуациях могут ранить пешехода. Ср. в метафорах: *Ушёл Гришка с своей присухой. Батянюшка, я как колесом перееханная! (М. Шолохов)*; *погиб под колёсами франко-советской дружбы (Б. Грищенко*)*. В приведённых примерах семантика деструкции связывается с образом колеса как части большой машины, под тяжестью которой разрушается то, что мыслится хрупким: человек, душа, судьба, семья и т.п.

Наряду с колесом, в этом значении может использоваться образ катка. Ср. в выражении *закатать в асфальт* в значении «уничтожить», а также в текстовом примере: *критика Рыжкова... приняла сгруппированный характер, и таким катком можно укатать любого («Континент Сибирь»*)*. Подобные примеры выражают высокую интенсивность воздействия катка на всё, что попада-

ется на пути, и эксплицируют семы «расплющить», «раздавить», «сровнять с поверхностью».

Другое направление семантического варьирования – развёртывание образа по линии колесо – дорога. Очевидна тесная взаимосвязь этих компонентов в рамках ситуации езды. В языке это отношение отражается как в этимологии лексем *коля* (от *коло-* – колесо), так и в выражениях *укатанная/накатанная дорога*, *обкатать колю*, эксплицирующих связь катящегося колеса с результатом действия – ровной, уплотнённой дорогой.

По устойчивой линии метонимического переноса колесо – транспорт – езда, смысл «воздействие на дорогу» переносится на любую езду. Так, в словосочетании *накатанная лыжня* значение «укатывать дорогу», связанное изначально со свойствами колеса, переносится на езду, не предполагающую использование колёс. Метафоры *накатанная дорожка/коля, как по накатанному* означают «известным порядком, обычным образом» [Мокиенко 2007: 424] и актуализируют в речи семы «гладкий», «удобный», «привычный», «отлаженный», «отработанный», «стабильный». Ср.: *бизнес, между тем, развивался по накатанной, много раз пройденной колее («Лебедь»*)*. Отметим также потенциальный смысл «невозможность сойти с пути», связанный с таким эмпирическим свойством колеи, как углубление дороги, мешающее колёсам с неё съехать.

Лексема *обкатанный*, т.е. «сглаженный», «лишённый углов», также восходит к образу взаимодействия колеса с дорогой, но допускает двойную мотивацию: *обкатанная дорога* (формируется под воздействием колёс) и *обкатанный камень* (сглаживается благодаря тому, что катается сам). Ср.: *Нередко слушатели при написании диплома старались брать наиболее изученные, «обкатанные» темы («Солдат удачи»*)*; *Весь он был гладкий, как обкатанный волнами бутылочный осколок, не за что взгляду было зацепиться (А. Берсенёва*)*. Если в первом примере предполагается скорее образ накатанной дороги по аналогии с метафорой *дорога – развёртывающийся во времени процесс*, то во втором очевиден образ мелкого предмета, сглаживающего свои углы в процессе катания.

Таким образом, семантика взаимодействия колеса и дороги имеет в целом положительную коннотацию, актуализируя в речи смыслы «гладкость», «удобство», «отлаженность», «надёжность» и др., в отличие от образа воздействия колеса на пешехода.

Другие значения являются результатом переосмысления эмпирических свойств колеса. Так, в метафорическом моделировании *скорость* движения колеса обычно характеризуется как быстрая. Например: *время, летевшее не-*

удержимым колесом, превратилось в старую клячу... (В. Скрипкин); я одна с детьми и хозяйством кручусь, как ось в колесе («Сельская новь»*)*;

Понятие интенсивности движения связано со скоростью по смежности, и часто эти смыслы совмещаются. Так, в приведённых выше примерах, иллюстрирующих высокую скорость движения, мы находим и значение «интенсивность». Ср. также: *невесты мельтешили у меня перед глазами, как спицы в колесе (К. Букша*)*.

Значение «готовность к движению» в образе колеса связано с эмпирическим свойством этого предмета. Так, колесо начинает катиться при наклоне поверхности или от приложенного усилия, т.е. даже неподвижное колесо обладает смыслом «способность катиться». Ср. в метафорическом моделировании: *про работчики научились бояться... жалоб. Они понимают, что в любую минуту колесо может повернуться. И что тогда? Верхние оказываются внизу (И. Грекова*)*. В данном примере образ колеса, готового повернуться в любую минуту, характеризует нестабильность положения. Ср. также: *Роль уже на колесах. Она идет гладко, ровно и даже независимо от меня (Л. Вертинская*)*. Здесь в метафоре *роль на колёсах* передаётся смысл «готовность к свободному развитию», в основе которого лежит представление о колесе как свободно катящемся предмете.

Характер движения колеса напрямую зависит от его формы. Так, если колесо правильной формы, оно катится легко и ровно, если же колесо искривлено, его движение будет неравномерным, с искажённой траекторией. Ср. в метафоре: *пошло как кривое колесо*.

Звук колёс также может быть переосмыслен в метафорах. Так, перестук колёс обычно характеризует быстрое равномерное движение, тогда как скрип колеса – затруднённое движение и, как правило, низкую скорость. Ср. в примерах: *Нас встречают и разлучают Стуком колес поезда (С. Эйгенсон*)*; *однако скрипучее колесо российской истории как-то движется, пусть медленно («Вестник США»*)*. В первом примере ситуация езды характеризуется через её компонент – стук колёс поезда. Во втором примере эпитет *скрипучий* отсылает к эмпирическому образу несмазанного колеса, которому тяжело катиться, и несёт смысл «затруднённое движение». Ср. в пословице: *худое колесо пуще скрипит*.

В ряде примеров актуализируется смысл «вращение колеса» с подчёркиванием значения «многократное повторение циклов при вращении», что понимается как регулярность, постоянство, обычность действия. Так, одним из устаревших значений лексемы *колесо* является «торговое или иное хозяйственное

предприятие, дело» [Сомов 2003:177], т.е. дело, основанное на определённых хозяйственных циклах. Ср.: *А что касается до того, что погребов было много, то ведь тогда и колесо большое было: ртов-то вдесятеро против нынешнего было (Н. Щедрин).*

Аналогично любое повторяющееся действие стало называться *колесом*: *Тому невеста понадобится, той жениха... Отдувайся за всех Устинья Наумовна... Так уж видно устроено, – от начала мира этокое колесо заведено. (А. Островский).* В. Сомов определяет значение выражения *колесо заведено* как «порядок, обычай (в речи купцов старой России)» [Сомов 2003:177]. Так абстрактные понятия регулярности или цикличности представляются посредством наглядного образа колеса.

В современном русском языке лексема *колесо* в данных значениях не употребляется, однако этот образ сохраняется. Ср.: *оборот капитала, товарооборот, севооборот, обращение ценных бумаг, пустить деньги в оборот*. Эти и подобные выражения широко распространены в речи и обозначают те же хозяйственные циклы благодаря актуализации свойства колеса – обращения вокруг оси.

Закрепление значения «цикличность хозяйственных действий» за лексемой *оборот* и экспансия экономических образов дали толчок семантическому варьированию слов данной группы. Так развивается языковая метонимия *оборот – прибыль*, образованная при переносе названия с циклического финансового действия на его результат – получение прибыли: *обороты от хлебной торговли; делать большие обороты; Погоди, Емельян Константиныч, обернись трошки – заплачу... Обернуться старику не пришлось – урожай не указал (М. Шолохов).*

В дальнейшем результат действия переносится на лицо, получившее этот результат. Так, человек, умеющий извлекать прибыль, называется *оборотистым (оборотливым, поворотливым)*: *отец его был кулаком... занимался мелкой торговлей, давал деньги за проценты и был, как говорили, «оборотистым» (Н. Нароков); Такой хохол оборотистый, что пробы поставить негде (И. Шмелёв).*

Затем образы экономической сферы начинают активно использоваться для характеристики любых других областей действительности, в частности, межличностных отношений. Ср.: *Крепко же взяли герра Кнабе в оборот (Б. Акунин); Хусейн изъят из обращения – схвачен (из речи).* Данные примеры реализуют образ манипуляции человеком как товаром, купюрой или другой единицей, которая в экономической сфере *вводится/пускается в оборот* или

изымается из обращения. По той же модели образованы выражения **ввести в оборот (обращение) термин/понятие/формулировку/метафору**, ср. также: *Сэрри и Уайэт ввели в обращение сонет и белый стих в лирике («Литературная учеба»*)*; *Будут введены в обращение ускоренные грузовые поезда («Локомотив»*)* и т.п.

Особняком стоят случаи, в которых воплощается образ колеса, стоящего на месте. Во-первых, может образно воплощаться нарушение движения катящегося колеса, которое представлено в речи в двух видах: как нарушение сцепления с дорогой (**колесо прокручивается на месте**) или как остановка под действием тормоза (*тормоз попал под колесо, ставить палки в колёса*). В первом случае не происходит остановки движения, однако оно становится непродуктивным. Ср.: *не оттого ли буксуют наши реформы, не потому ли **вхолостую прокручивается колесо** многих карьер, что порой не удаётся наскрести на первую взятку («Известия»*)*. Во втором случае тормозящий предмет полностью останавливает движение колеса: *всё это принадлежит к ряду безумных мер, которые исчезнут с последним дыханием этого **тормоза, попавшего на русское колесо** (А. Герцен); на нас пытаются давить, и вместо помощи **ставят палки в колёса** («Дипломатический вестник»*)*.

В других случаях сема «перемещение в пространстве» может ослабляться или вовсе отсутствовать, и на первый план выходит смысл «вращение» и его аспекты: направление и локализация. Направление вращения обычно расценивается как прямое, если в контексте отсутствуют актуализаторы обратного движения (*назад, обратно, в другую сторону* и т.п.). В последнем случае в контекстах реализуются смыслы «возвращение», «регресс» и др.: *они реакционны: они стремятся **повернуть назад колесо истории** (В. Ленин*)*.

В ряде примеров в образе колеса актуализируется вертикальное расположение в пространстве, свойственное катящемуся колесу, но возможно и горизонтальное, если речь идёт о колесе как части механизма (ср.: мельничное колесо, колёсики в часах и т.п.).

Вертикальная локализация обычно подчёркивается в амбивалентном образе колеса Фортуны, символизирующем непрерывное чередование состояний счастья и несчастья, которые в мифологических представлениях связаны с пространственной ориентацией верх – низ. Ср.: *Смотрел с волнением немым, Как **колесо вертелось счастья**. Один был вознесён, другой раздавлен им (М. Лермонтов)*. Непрерывность смены удачи/неудачи воплощается в образе колеса, актуализируя в последнем семы «нестабильность положения», «смена полюсов», «циклическое чередование». Подобным образом может моделироваться и

ход истории: *вращающееся колесо истории на один миг подняло на самую высокую точку славного Себастьяна Баха («Октябрь»*)*.

В словаре В.И. Даля приводится поговорка, актуализирующая образ колеса Фортуны в необычном ракурсе: *сидя на колесе, гляди под колесо/думай, что быть под колесом*. Данная поговорка эксплицирует мотивировку оценки верха и низа колеса: сидеть на колесе – значит ехать, т.е. быть успешным (аналогично выражению *сидеть на коне*), оказаться под колесом – быть им раздавленным.

Другим воплощением вертикального расположения колеса является образ беличьего колеса (ср.: *крутится, как белка в колесе*). Данный образ несёт семантику интенсивной, утомительной, но непродуктивной деятельности: *крутится как белка в колесе: то репетиции, то концерты, да ещё бесконечные переезды из города в город («Самарские известия»); История может оказаться вечным движением в одном кругу, вечным повторением, «беличьим колесом» (Д. Максимов)*. Сема «перемещение» в данном образе отсутствует, что и определяет непродуктивность движения.

В целом же образ колеса оказывается способным моделировать различные реалии, в том числе такие абстрактные, как время, история. При этом переосмыслению подвергаются любые свойства колеса: форма, функции, характер движения, воздействие на окружающие предметы. Самым разнообразным и частотным оказывается варьирование в рамках фрейма «дорога». Так, свойства колеса последовательно переносятся на любые компоненты этого фрейма: собственно дорогу, транспорт, участников дорожного движения.

В ходе анализа были выявлены наиболее продуктивные механизмы варьирования – когнитивная метонимия и когнитивная метафора, при которых развитие значения происходит в несколько этапов:

- первичное отождествление концептов на основании прототипической сопряжённости либо ассоциативного сходства;
- последующее развитие по логике отождествлённого образа.

Описанные механизмы открывают путь к потенциально бесконечному варьированию образа.

Библиографический список

1. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. / Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп, 2007.
2. Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов / В.П. Сомов. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2003.